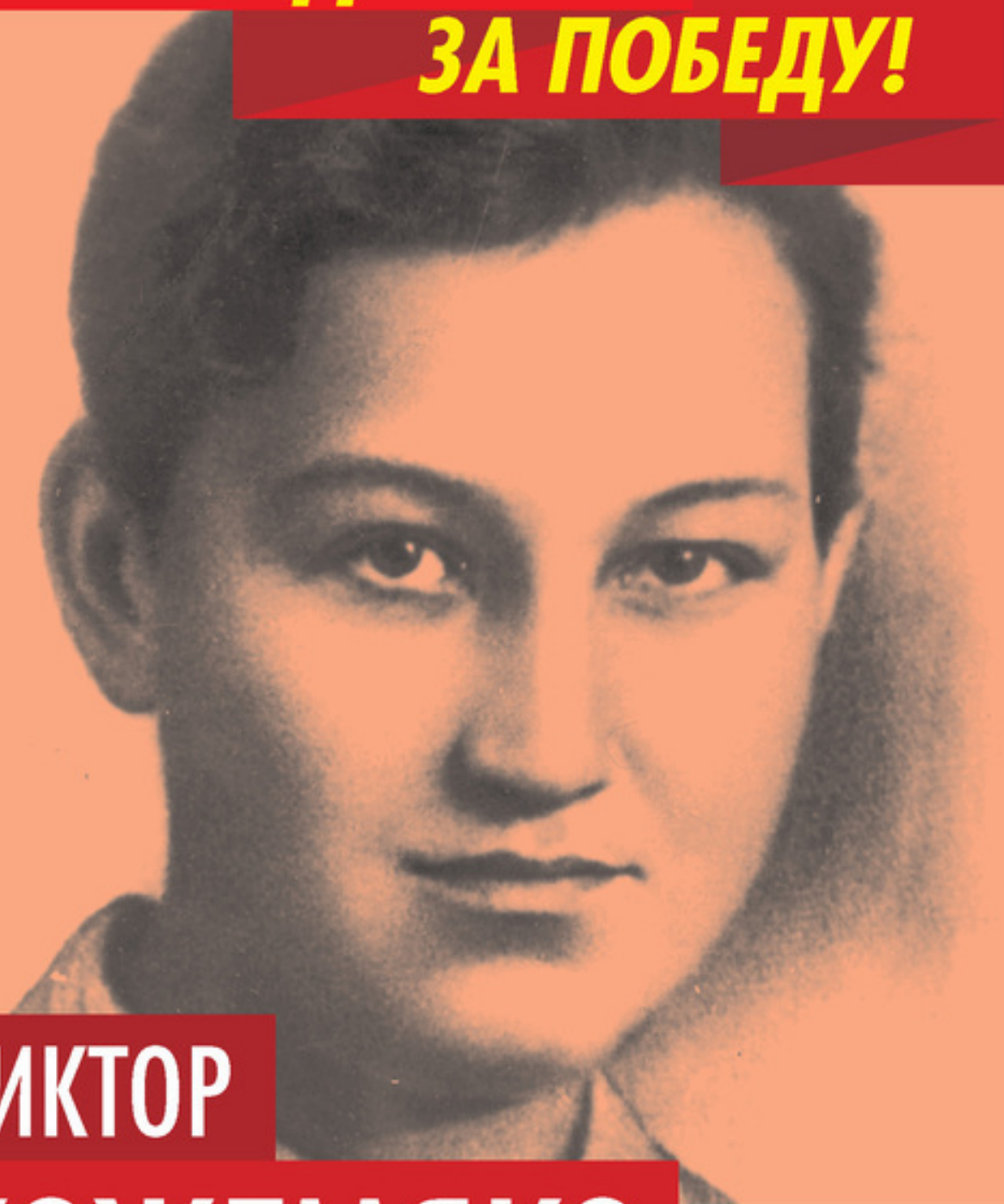

ЗА РОДИНУ!

ЗА ПОБЕДУ!

ВИКТОР

КОЖЕМЯКО

ЗОЯ

КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ

ПРАВДА ПРОТИВ ЛЖИ

За Родину! За Победу!

Виктор Кожемяко

Зоя Космодемьянская.

Правда против лжи

«Алисторус»

2015

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

Кожемяко В. С.

Зоя Космодемьянская. Правда против лжи / В. С. Кожемяко —
«Алисторус», 2015 — (За Родину! За Победу!)

Среди самых святых для нашего народа имен в пантеоне героев и мучеников, завоевавших 70 лет назад Великую Победу над злейшими врагами Родины, особое место принадлежит Зое Космодемьянской. Восемнадцатилетняя комсомолка, ставшая бойцом-добровольцем, она совершила свой подвиг в тот критический момент первого полугодия войны, когда в полном смысле решалась судьба советской столицы и всей страны. Миллионы соотечественников получили от нее духовный заряд потрясающей силы! Именно поэтому, развернув полвека спустя новое нашествие на Советский Союз с целью его уничтожения, враги внешние и внутренние начали с расправы над памятью наших героев. И одной из первых жертв, стала она, Зоя, которую теперь казнили вторично – подлой ложью и чудовищной клеветой. О расследовании фальсификаций и борьбе с ними, а также о великой школе патриотизма и героизма, воспитавшей поколение Зои, об уроках славы и предательства, которые насущно важны для нас сегодня, рассказывает эта книга известного журналиста «Правды», посвятившего многие годы защите чести героев Отечества.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

© Кожемяко В. С., 2015
© Алисторус, 2015

Содержание

Необходимое вводное слово. Встреча навсегда	6
Глава первая. Подвиг ее и даже имя пришлось отстаивать	12
Вторая казнь через полвека	13
Черная тень	13
Немцев не было?	14
Кто ее истязал	16
Об этике и совести	17
Какие мы сегодня	18
Это она, наша Зоя!	21
Глава вторая. В борьбе бывают горести и радости	24
Третья казнь	25
Земля и небо русской героини	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виктор Кожемяко

Зоя Космодемьянская. Правда против лжи

© Кожемяко В.С., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

Необходимое вводное слово. Встреча навсегда

Героиня этой книги явилась не только автору, но и всем в суровую первую зиму войны

Да, узнали о ней тогда сразу многие. О совсем юной девушке, партизанке, которую враги схватили при выполнении боевого задания, жестоко пытали, но не добились ничего и в конце концов повесили, согнав смотреть на это всех оставшихся в оккупированной подмосковной деревне жителей. Для устрашения.

Если бы догадались, чем обернется та казнь!

Через два месяца, когда фашистов отсюда выбили, происшедшее в деревне Петрищево стало известно и поблизости, и очень далеко. На всех фронтах, которые пролегли от Заполярья до Крыма, в партизанских землянках на временно захваченной гитлеровцами советской земле, в глубине тыла, где женщины, старики, подростки до предела напрягали свои силы, чтобы одолеть вражеское нашествие. И везде, у всех, кто узнавал про подвиг той девушки и кому по-настоящему дорога была Родина, поднималось и крепло общее чувство: не жалеть себя для Победы. Если надо, отдать даже жизнь. Как она.

Не жившим в то время и не соприкоснувшимся воочию с удивительной духовной силой, которую излучало свершенное ею, может, вполне и не понять реальное значение подвига героини. А ведь вклад ее в Победу стоит сотен тысяч танков и самолетов. Да какое там – он воистину неоценим.

Только как донести это до нынешних молодых, множество которых, кажется, слишком отделилось от судьбоносного смысла Великой Отечественной? Отделилось к тому же куда-то в иную сторону, на что с огромной силой работали из года в год не только явные и скрытые враги нашей Родины, но и реалии «новой жизни», противостоящие, как принято говорить, советскому прошлому.

Однако очень хочется, вопреки всему, приблизить к душам теперешних соотечественников, особенно юных, высокую красоту Зои Космодемьянской, ставшей для советского народа одной из самых любимых героинь. И еще раз попытаться разъяснить, почему все-таки подверглась она столь безжалостной хуле, сравнимой по жестокости с фашистскими муками и казнью на виселице в тот последний для нее морозный и снежный день.

Но сперва воспоминание личное.

* * *

День моей встречи с ней тоже был морозный и снежный. Продолжалась первая военная зима.

Село Можары, Рязанская область. Часть ее осенью 1941-го немцы захватили, стремясь обойти Москву с юга, заняли небольшие города Скопин и Михайлов. Начавшееся в декабре советское контрнаступление отбросило их, но мы знаем: пока они близко. С мыслями об этом все живем, от мала до велика.

Мне скоро семь. Маловат, конечно. Однако мама, учительница, давно научила меня читать, и, кроме любимых русских сказок, кроме Маршака с Чуковским и Барто с Михалковым, многое из которых знаю наизусть, все больше тянусь к Пушкину. А еще – к газетам. Ну как же! Там главные новости про войну.

За газетами и письмами для лесхоза, где работает мой отец, а также для всех окрестных домов я взялся ходить на почту, наверное, с началом войны. Уж не помню, как это получилось – почтальон ли ушел на фронт, либо все определил нетерпеливый детский интерес к ново-

стям, которые стали весьма необычными, но только ходил я на почту, до которой от лесхоза было километра полтора, очень исправно, бывало даже по два раза в день, если почему-либо к привычному сроку доставка опаздывала. И читал газеты или, во всяком случае, просматривал прямо там, как говорится, не отходя от кассы.

Вот и в этот раз было так. Раскрыл «Правду». Глаза остановились на фотографии. Что это? Кто на ней?! Девичья голова в снегу, с обрывком веревки на шее...

Я прочитал заголовок: «Таня». А дальше продолжал читать, уже не сознавая, где я и что со мной.

Почта можарская помещалась в старом кирпичном доме, стены которого были необыкновенной толщины. Окна, которых всего два или три, – в углублениях больших и с широкими подоконниками. На одном из них я и обнаружил себя, очнувшись после потрясшего душу чтения и снова переведя взгляд на поразительный снимок.

Было тихо, до звона в ушах, и холодно, каменный подоконник ледяной: видимо, основательно выстыла почта за ночь. И ни одного посетителя, кроме меня, только женщина за служебным окошком, от которой получил я эти газеты и письма. Эту газету...

Ну можно ли словами передать силу пронзившего меня впечатления от того, что я прочитал и увидел на газетной странице? Прошло больше семидесяти лет, а прочувствованное в те минуты так и осталось одним из сильнейших потрясений за всю мою жизнь. Я не преувеличиваю, нет. Честен перед каждым, кто прочтет это. И важно это сказать, поскольку мое тогдашнее чувство, без малейшего сомнения, было и чувством миллионов других людей, которые прочитали и увидели в газете «Правда» то же самое.

Поймут ли люди сегодняшние? Хочу, если уж не смогут прочувствовать такое, чтобы хоть поняли...

А я в тот январский день 1942 года, через два месяца после убийства ее, никак не мог расстаться с газетой. Долго оставался здесь же, на подоконнике, перечитывая и переносясь туда, в деревню Петрищево, переживая все вместе с ней, о которой известно пока лишь то, что зовут ее Таня и она совершила подвиг бессмертия.

Вместе с ней мысленно мерз в ночном лесу на подходе к деревне, где полно гитлеровцев. С замирающим сердцем ощущал на плечах и спине лапы схвативших ее палачей. Терпел (только мысленно, мысленно...) невероятные издевательства и мучения: избивают, проводят пилой по спине, подносят к лицу горящую лампу, обжигая подбородок и предлагая выпить керосину вместо воды... Опять избивают... Босой и раздетой выводят на мороз, гоняя по снегу, пока сами, одетые, утепленные, не замерзнут...

И что же по сравнению с ее холодом наш можарский мороз?

После ночи пыток, когда она вконец измучена и обессилена, ее ведут к виселице.

Но – о чудо! Она вдруг находит в себе силы, чтобы бросить проклятья в лицо убийцам и обратиться к окружающим место казни немцам и русским.

Немецкие солдаты, сдавайтесь, все равно ваше дело безнадежно! А вы, русские, что смотрите невесело? Боритесь, травите, жгите их!..

Это я уже проговаривал про себя, своими словами, ее предсмертную речь, которая вместе с ней войдет в бессмертие.

И у меня сжимались кулаки (маленькие, конечно). Почему я здесь? Я тоже должен бороться, травить их и жечь, захватчиков. Отомстить за нее.

Потом мне станет известно, что будут и герои не намного старше меня тогдашнего. Будут Валя Котик, Володя Дубинин, Марат Казей, Зина Портнова... Пионеры-герои. А мне еще предстояло стать пионером, тем более – комсомольцем...

* * *

Очерк тот из «Правды» я аккуратно вырезал и положил в свою заветную «военную папку», на которой был наклеен тоже вырезанный из газеты портрет Сталина.

Вскоре лег туда и еще один очерк о ней. Снова из «Правды» и того же автора, подпись которого я хорошо запомнил: П. Лидов. Назвал он это свое повествование «Кто была Таня». Просто и прямо. Наверное, бросив глаз на такой заголовок в этой газете да к тому же прочитав фамилию автора, каждый сразу понимал тогда, о какой Тане идет речь.

А ее звали, оказывается, Зоя.

Школьница из Москвы Зоя Космодемьянская. Десятиклассница...

Меня прошлой осенью, через два с небольшим месяца после начала войны, мать повела в первый класс. Хотя было мне только шесть лет, а в школу принимали с восьми. Но, учитывая домашнюю подготовку, а также, видимо, и материнское учительское положение, приняли.

Правда, длилось тогда мое школьное обучение всего один день. Скучно показалось. Начинали с азбуки и прописей, выводя в тетрадях первые палочки да крючочки, а для меня все это было делом давно пройденным. И следующим утром, когда мама стала будить меня, чтобы идти на занятия, раньше рвавшийся в школу теперь вставать я не захотел. Мать посмеялась и махнула рукой:

– Ладно, будешь дома заниматься.

Вспоминаю это вот к чему. Ясно отложилось в памяти, что подумал при прочтении очерка «Кто была Таня»: «Она – школьница, а я – нет». Будто если бы и я был в школе, пусть в первом классе, а не в десятом, как она, это меня приблизило бы к ней. Вот и спросил:

– Мама, а когда я опять в школу пойду?

– Теперь уже в сентябре. Попробуем экзамены сдать во второй класс.

Так и произойдет. Экзамены, которые мне устроят, я сдам успешно. И в том, по-моему, роль Зои немалой была.

Во втором очерке, рассказывая о ней, П. Лидов особо выделил школу. Как училась Зоя, что читала, какие писала сочинения. Для готовящегося к школе – большое вдохновение.

А когда вторично переступаю я порог учебного класса, с невероятной радостью узнаю, что пионерская дружина школы, отныне моей, носит теперь имя Зои Космодемьянской.

Это не было уникальным. Совсем нет! Дружин и отрядов ее имени во Всесоюзной пионерской организации появилось много. Вообще, имена героев продолжавшейся войны становились священными для пионеров и комсомольцев. До подвига Зои – Николай Гастелло и Виктор Талалихин, затем, несколько позднее – Лиза Чайкина, Саша Чекалин, Юрий Смирнов, Александр Матросов, Олег Кошевой и вся славная плеяда молодогвардейцев Краснодона... (А сейчас, когда пишу эти строки, то есть летом 2014-го, шахтерский Краснодон в Луганской области опять под огнем. Фашизм снова поднял голову, и не где-нибудь, а на Украине!)

Во время так называемой перестройки, ставшей началом уничтожения Советского Союза, с удивлением я замечал, как то один, то другой из разрушителей страны публично хвастает, что в душе не был он, дескать, ни комсомольцем, ни пионером. Врали? А может, действительно кто-то не был. Но в любом случае – чем же тут хвастать?

Когда мне повязывали красный галстук, я знал, что такой же носила в свое время и Зоя. Когда получал комсомольский билет, гордился, что становлюсь в ряды героев, живущих и отдавших жизнь за Родину. Не у меня одного, конечно, были такие чувства.

О чем больше всего сожалели тогда мои сверстники? Могу сказать абсолютно твердо: о том, что слишком поздно мы родились. Не успели ни на Гражданскую, когда нас вообще не было на свете, ни на Великую Отечественную, поскольку до фронта не доросли. Однако всем, чем могли, старались фронту быть полезными.

Сейчас, когда вошло в обиход понятие «Дети войны», каждый относящийся к нему может внести свои штрихи в его характеристику. Мы, ребята, у себя в селе завидовали не только фронтовикам и партизанам, но, например, и тем ровесникам нашим, которых видели в кинохронике и на газетных фотографиях, как стоят они у заводских станков, подставив ящик под ноги для роста. И делают снаряд. Или мину. Обтачивают деталь для самолета или танка.

А что мы? Простецкое, обыкновенное дело – помогать колхозу, где теперь почти одни женщины: ворошить сено, которое сушится, копать картошку, скирдовать снопы, таская их по полю в копны, собирать колоски или пилить дрова...

Хотелось большего. И когда в лесхозе объявлено было, что надо «драть бересклет», школа тотчас откликнулась. Если выразиться точнее, драть предстояло кору кустарника, называвшегося бересклетом: говорили, что она идет на изготовление каучука, а это – шины для авиации или артиллерии. Как соревновались мы, у кого мешок этой легкой коры окажется всех тяжелее!

Или вот начался по весне сбор лекарственных трав. Это же для раненых, для госпиталей и полевых лазаретов! Помню, откуда-то нашлось довольно редкое издание справочника таких трав, и мы сообща самым внимательным образом его изучали, прикидывая возможности наших лугов и леса.

А поход за ландышами обернулся для меня и моего лучшего друга Коли Дорофеева неожиданным приключением. Дело в том, что утром, когда мы с ним наметили этот поход, начался не по-весеннему нудный и долгий дождь. Отложить затею? Ни в коем случае! Идем.

И заблудились в лесу, да так, что пришлось там, выбившись из сил, заночевать.

Дома сильно переполошились. Тревога была нешуточная. Зато мы вернулись с такими сумками ландышей, что еле смогли донести...

* * *

К чему я вспоминаю все это? Не чересчур ли далеко ушел от основной своей темы?

Эта тема – советская героиня. И ее время, которое стало также временем моим. Советское, пропаханное величайшей войной, 70-летие Победы в которой мы сейчас отмечаем.

Герои той войны, как звезды, сияли в душах моего поколения. Они были с нами всегда. Вот в школе как один из самых важных предметов воспринимали мы военное дело, которое преподавал нам настоящий командир, выписанный из госпиталя после тяжелого ранения. Винтовки, правда, были не настоящие, а просто крашенные деревянные макеты. Но когда я старательно выполнял в строю то, что положено, мне казалось, смотрит на меня не только наш Николай Иванович единственным своим оставшимся глазом, а еще Зоя или Олег. Кое-как при этом отнестись к своим обязанностям было просто нельзя.

Может, преувеличиваю сегодня? Да и у всех ли так было? Но если даже сделать некую скидку на «разное бывает», все равно следует признать, что необыкновенно высокую нравственную планку задавали они. Верно про это будет сказано: нравственный максимализм.

В записной книжке Зои выделил Лидов и привел в очерке «Кто была Таня» такие слова: «Умри, но не давай поцелуя без любви». Это – Чернышевский, которого Зоя чтит как образец самоотверженности во имя народного блага. А рядом Ленин, Горький, Николай Островский...

Не раз думал я, что последняя ее речь под виселицей напоминает мне про речь гоголевского Тараса Бульбы перед тем, как сгорит он, охваченный вражеским пламенем. Лучшее из заветов отечественного и мирового духовного наследия успела существом своим глубоко принять, чтобы жить и умереть соответственно, став тоже образцом для других.

А начнется развал страны, названный «перестройкой», и прочту я в одной из самых многотиражных газет огромный заголовок: «Сгореть на костре или погреться у костра?» Перед

ними-то, нашими героями, не было такого вопроса. Если это нужно для спасения людей, а тем более Родины, значит, сгореть!

Нет, погреться, только погреться, почти изо всех рупоров проповедовалось теперь. И тогда как для наших героев (и для нас вслед за ними) «эгоист» был в числе самых ругательных слов, то в наступившее время вызывающе подняли его на щит и даже ввели в название гламурного журнала. Всюду и всюду пошел бурный разлив шкурничества и предательства, утверждавшихся как своего рода ценности, как норма жизни. «Если ты такой умный, то почему такой бедный?», «Деньги не пахнут», «Сперва умри ты, а я потом» – набор подобных мудростей призван был перечеркнуть главное, чем держалась Советская страна – общество социализма. То, чем она победила в немыслимо жестокой войне на уничтожение ее.

Тогда победила. Теперь сломилась. Потому что сломлены оказались основы. И одним из орудий этого слома стало поругание советских святынь, среди которых, безусловно, была она, Герой Советского Союза Зоя Космодемьянская.

* * *

С того дня, как ее казнили в заснеженном Петрищеве, к ноябрю 1991-го прошло полвека. Тогда героическая гибель славной дочери советского народа ознаменовала поворот судьбоносной Московской битвы: через неделю началось контрнаступление наших войск, и Зоинных палачей погнали на запад.

А вот полувековая годовщина начала разгрома фашистов почти день в день совпала с окончательным разгромом СССР, закрепленным своего рода актом о капитуляции – Беловежским соглашением. Для меня незабываемо и зловеще символично, что предшествовала этому вторая казнь Зои.

Да, вторично я пережил потрясение, читая о ней. Потрясение, сравнимое с пережитым в детстве на сельской почте. Только тогда вместе с невыносимой болью за нее и ненавистью к врагам было восхищение мужеством, стойкостью и верностью. Теперь же потрясла лишь безразмерная подлость учинивших новую казнь. С таким масштабом подлости, замешенной на лжи, казалось, я еще не сталкивался. Или так подействовало это потому, что беззащитна оказалась она и не может ответить?

К тому времени многие советские святыне уже подверглись неслыханной клевете. В том числе, конечно, герои войны. Начиная с маршала Жукова и кончая гвардии рядовым Александром Матросовым. И вот эта девушка, почти девочка, отдавшая жизнь за Родину, на фоне всего разнузданного кощунства, казалось, смотрит сквозь годы с особенно горьким изумлением: «Что же это вы, люди?»

Нет, нелюди! Выдержать такое в бездействии было невозможно.

Я к тому времени уже почти тридцать лет работал в газете, которая полвека назад первой рассказала о ней. Встречался в редакции с фотолаборантом Галиной Яковлевной Лидовой – вдовой военкора Петра Лидова, талантливого журналиста, чьи очерки о Тане-Зое стали не только для меня, а для всей страны и мира открытием героини. Общался с ветераном «Правды» Иваном Федоровичем Кирюшкиным, бойцом Чапаевской дивизии в годы Гражданской, который во время битвы под Москвой ходил в партизанские рейды вместе с военным фотокором Сергеем Струнниковым. Тем выдающимся фоторепортером и фотохудожником, который сделал исторический снимок еще неизвестной тогда партизанки, казненной в Петрищеве.

На все это наложилась теперь немыслимая, чудовищная расправа над памятью священной, учиненная в еженедельнике «Аргументы и факты». Она, эта расправа, заставила возмущенных до крайности однополчан Зои, пожилых женщин и мужчин, прийти в «Правду». Большой делегацией во главе со своим бывшим боевым командиром Афанасием Мегерой.

А «Правда» только что начала выходить после закрытия. Ельцин в августе 1991-го ее запретил!

– Мы верим, «Правда» будет выходить и просим нас выслушать, – сказали неожиданные гости.

Так начиналась борьба «Правды» за правду о любимой народной героине. Эта борьба – в основе книги, которую сейчас предлагаю читателям.

* * *

Считаю, что книга отнюдь не только историческая, но и самая что ни на есть современная. Борьба за правду продолжается. За правду и о ней, Зое, на которую, как ни поразительно, продолжают нападать ненавистники, и о времени, которое родило и воспитало ее.

Нельзя забывать: подвиг таких, как она, спас Родину в труднейшее время. А вот уничтожение подвига и героев, его совершивших, Родину погубило.

Сейчас любят цитировать (к месту и не к месту!) кого-то из знаменитых историков: дескать, история учит тому, что ничему не учит. Не соглашусь. Учиться надо. Ведь допущенное в Отечестве нашем на исходе XX века слишком дорого нам обошлось, а может обойтись и еще дороже. Так давайте все, кому судьба Отечества истинно не безразлична, осмысливать происшедшее и стараться из тяжких ошибок извлекать уроки на будущее.

Признаюсь, был еще один толчок, заставивший меня взяться за подготовку этой книги. Летом 2013-го американский профессор-славист Джонатан Платт обратился в «Правду». Он сообщал, что интересуется жизнью и подвигом Зои Космодемьянской, хочет написать книгу и снять фильм о ней, просил помощи и содействия.

Состоялась наша встреча в редакции. Американец заготовил восемь особо интересовавших его вопросов, которые обратил ко мне, а я через газету – ко всем читателям «Правды». Несколько месяцев шли ответы со всей страны и даже из-за ее пределов. Мы их в газете печатали. Получился разговор о месте героини и героизма в наши дни.

А потом сами же читатели стали просить, чтобы этот газетный обмен мнениями, воспринятый ими как очень актуальный, вошел в книгу. «Почему американский ученый готовит свою книгу о нашей героине, а русский журналист – нет?!» – примерно так звучал вопрос во многих письмах.

Стало быть, книга, которую вы держите сейчас в руках, может считаться и реакцией на пожелания тех читателей. Надеюсь, к ним прибавятся теперь читатели новые, возможно, с «Правдой» последних лет даже и не знакомые совсем.

Удивительный есть феномен. Интерес к чему-либо или кому-либо сразу возрастает, если возник интерес за пределами страны, где произошло данное событие или стал известен человек. Про такое говорится: «Нет пророков в Отечестве своем». Сегодня пришлось вспомнить то выражение в связи с появлением профессора из США Джонатана Платта. У него не просто интерес к русской, советской героине, а нечто гораздо большее. Наверное, можно сказать: любовь. Он всецело покорен образом Зои, что читатели «Правды» почувствовали и за что выражали ему искреннюю благодарность.

Кому-то, значит, человек из другой страны помог полнее осознать необыкновенную красоту советского человека, воплощением лучших черт которого стала Зоя Космодемьянская. Со стороны виднее?..

«Что имеем – не храним, потерявши – плачем», – говорят в народе русском. А такое нельзя терять, тем более – отдавать на поругание. Тут уж перед нами всечеловеческая красота и значимость. Надеюсь, прочитавшие книгу согласятся со мной.

Начнем же мы с того, как эту красоту и эту значимость начали уничтожать. Вместе со страной.

Глава первая. Подвиг ее и даже имя пришлось отстаивать

Итак, осень 1991 года. Последняя осень в истории великой Советской страны. Мы еще не знаем, что она последняя, но остро тревожное чувство нарастает день ото дня.

Все советское обстреливают со всех сторон. Под благостные заклинания «перестройки» уже совершен августовский антикоммунистический переворот. Компартия запрещена. Газета «Правда» – тоже. Ну а в тех газетах, которые продолжают выходить, наращивая антисоветский вой, как и по телевидению, радио. В книгах, на киноэкранах и сцене, продолжают яростно расправляться со всем, что было дорого и свято поколениям советских людей.

Дошла очередь и до Зои. Надо было ее защищать.

Работа над расследованием, которое вы сейчас читаете, началась в сентябре. Появилось же оно в газете под заголовком «Трагедия Зои Космодемьянской» 29 ноября 1991 года. Это был день 50-летия ее казни, и всего три издания в стране (по моему подсчету) откликнулись на такую дату не издевательством и ерничеством, а защитой чести и славы.

Читайте тот мой текст, которому сейчас я даю лишь измененный заголовок. Чтобы четче выделить суть происшедшей трагедии.

Вторая казнь через полвека

29 ноября 1941 года в подмосковной деревне Петрищево гитлеровцы, пришедшие сюда как оккупанты, повесили восемнадцатилетнюю комсомолку, которая назвала себя Татьяной. Партизанка подожгла дома, где находились вражеские солдаты, и сарай с немецкими лошадьми; была схвачена при выполнении боевого задания и подвергнута жесточайшим, нечеловеческим пыткам, проявив сверхъестественное мужество и стойкость... Об этом, когда Петрищево освободили наши войска, страна узнала из очерка корреспондента «Правды» Петра Лидова «Таня». А позже стало известно ее настоящее имя – московская школьница, десятиклассница Зоя Космодемьянская.

Люди, помнящие войну, подтвердят, что значило для всех нас это имя. В самую трудную пору оно придавало веру и силы тем, кто их, казалось, утрачивал. Убежден: если бы даже мы не воспроизвели сегодня ее портрет, все равно перед мысленным взглядом едва ли не каждого моего сверстника возникло бы прекрасное девичье лицо, каким мы впервые увидели его тогда на photographиях в газетах. А до того было другое фото – сделанное правдистом Сергеем Струнниковым у свежеразрытой могилы. Потрясающее, ставшее историческим. Голова мертвой девушки с разметавшимися по снегу короткими волосами и обрывком петли на шее, истерзанное врагами тело.

И все это вошло в нашу душу. Как волнующие строки написанной вскоре поэмы Маргариты Алигер «Зоя», как одноименный фильм, как книга матери – Любови Тимофеевны Космодемьянской – «Повесть о Зое и Шуре». Надо же! Зоин брат, танкист, павший смертью храбрых под Кенигсбергом, тоже стал Героем Советского Союза...

Мог ли я подумать, что на светлый образ героини моего детства и юности когда-нибудь падет черная тень? Нет, и в дурном сне такое не приснилось. Однако произошло.

Черная тень

Первым сообщил мне эту новость мой племянник – человек другого поколения, но, как и я, свято чтивший память Зои. Вернее, он не сообщил даже, а спросил:

- Дядя Витя, значит, Зоя Космодемьянская – вовсе не героиня?
- Откуда ты взял?
- В «Аргументах и фактах» напечатано.

Нет-нет, да и ловлю себя на мысли: наивный я все-таки человек! Вроде уж пора бы ничему не удивляться. Кажется, окончательно и бесповоротно доказано, что не было и просто не могло быть никаких героев в нашей стране за 74 года Советской власти. Ну по крайней мере до августа 1991 года. Не велено им быть, не разрешено. В других странах или у нас до октября 1917-го – пожалуйста. А после – ни в коем случае.

Может, впрочем, и не вполне оправданна эта моя ирония? Ведь некоторые из тех, кому мы искренне поклонялись, не выдержав исторической проверки, предстали вдруг перед нами за последние годы в ином свете. История делается делами людей, но пишется-то она перьями, причем не всегда добросовестными. Так что принцип «подвергай все сомнению» давайте признаем и будем следовать ему.

И все же, все же, все же...

Сдается мне, что переписывать историю, как бы исправляя и уточняя ее, тоже берутся перья далеко не всегда добросовестные. Примеров тому наши последние годы дают немало. Происшедшее с Зоей, думается, – один из них.

Напомню для тех, кто читал, и расскажу тем, кто не знает. В 38-м номере еженедельника «Аргументы и факты» за 1991 год появилась статья А. Жовтиса «Уточнения к канонической

версии». Подзаголовок: «К обстоятельствам гибели Зои Космодемьянской». Что же «уточнил» неизвестный мне писатель?

Невероятно, но факт: исследованиями в статье и не пахнет. Жовтис ссылается на другого писателя – Н. Анова, ныне покойного, который когда-то (судя по всему, еще во время войны) вроде бы побывал в Петрищеве и от одной учительницы (безымянной!) услышал неожиданную версию, связанную с гибелью Зои. Под страшным секретом (все жители деревни были настолько запуганы советскими властями, что не могли говорить правду) она, дескать, сообщила: немцев в Петрищеве, оказывается, вообще не было. Они располагались «в другом населенном пункте» («к сожалению, я не помню, в каком именно», – походя делает сноску Жовтис). А в деревне Петрищево однажды ночью загорелась изба. Придя к выводу, что это поджог, на следующую ночь жители выставили караульных. И поймали девушку, которая пыталась поджечь другой дом. Караульные избивали ее, затем втащили в избу к некоей Лукерье, а утром староста отправился к немцам и доложил о случившемся. «В тот же день девушка была повешена приехавшими в Петрищево солдатами спецслужбы...»

Вот вкратце «неканоническая версия», изложенная А. Жовтисом. Ну ладно, согласимся: при восстановлении исторической правды не стоит и слухи сбрасывать со счетов. Но их ведь, наверное, надо проверять! Человек же, называющий себя писателем, в данном случае не только не озаботился и не утрудился ни малейшей проверкой. Он даже общеизвестные и совершенно бесспорные факты извратил. Так, реальная и легко узнаваемая всяким более или менее осведомленным читателем Прасковья Кулик у него становится Лукерьей, перевираются инициалы матери Зои Космодемьянской... Мелочи? Допустим. Но они тоже говорят о методе автора.

Впрочем, об этом писателе, как и об Анове, достаточно хорошо и убедительно рассказал их коллега по перу Владимир Успенский, знавший обоих не один год, живший одновременно с ними в Алма-Ате. Он многие годы собирал материалы о Зое Космодемьянской, издал книгу о ней. В одном только согласиться с Успенским не могу. Дважды в своей статье он замечает: нелепостей у Жовтиса так много, «что нет необходимости опровергать или хотя бы перечислять их – они говорят сами за себя»; и далее: «Нет смысла опровергать, доказывать».

А по-моему, есть. Далеко не все нынче верят на слово даже самому квалифицированному специалисту. Далеко, далеко не все помнят и знают подробности событий многолетней давности, уверенно разбираются или хотя бы ориентируются в них. Да и сомнения после той публикации могут возникнуть: даже у меня, немало знавшего, началась в голове некоторая сумятица. Словом, я решил, что надо все еще и еще раз основательно перепроверить. Особенно после того, как в 43-м номере «Аргументов и фактов» появилась уже целая подборка писем «Зоя Космодемьянская: героиня или символ?», большинство которых по существу «развивают» и «углубляют» версию Жовтиса.

Немцев не было?

Я встретился тогда с боевыми подругами и друзьями Зои – их, живших в Москве, собралось двенадцать человек. Побывал в архиве, где хранятся десятки папок с материалами, относящимися к той давней истории. Наконец, промозглым и сумрачным ноябрьским утром 1991-го отправился в Петрищево, где поговорил со всеми жителями, помнящими 41-й год.

И что выяснилось? Начну с исходного, на мой взгляд: были или не были немцы в Петрищеве. Согласитесь, если их не было, то получается, что Зоя как бы боролась против своих.

Из показаний, написанных по-немецки пленным унтер-офицером 10-й роты 332-го пехотного полка 197-й пехотной дивизии Карлом Бейерлейном:

«Уже 10 дней мы были в боях, и вот наконец пришло спасительное известие: смена. Наш батальон отошел в эту ночь в деревню Петрищево, лежащую в нескольких километрах

от фронта. Мы были рады отдыху и вскоре ввалились в избу. В небольшом помещении было тепло.

Русскую семью выставили на ночь на улицу. Только мы вздремнули, как стража подняла тревогу. 4 избы вокруг нас пылали. Наша изба наполнилась солдатами, оставшимися без крова. Наше волнение быстро улеглось, и, выставив полроты для охраны от поджога остальных домов, мы довольно неудобно провели остаток первой ночи...»

Это – документ из архива. А старые люди, с которыми я виделся в Петрищеве, не просто подтверждали, что немцы стояли здесь, причем долго, до 14 января 1942 года, когда деревня была освобождена бойцами нашей 108-й стрелковой дивизии. Люди приходили в искреннее удивление от самого моего вопроса. Ведь оккупанты, заняв большинство крестьянских домов, поначалу даже выгнали жителей, которым пришлось перебраться в более глухие деревни за восемь – десять километров отсюда – в Богородское, Златоустово и другие. Только потом, после унижительных просьб и всяческих хитростей, удалось вернуться домой. Да и то ютились здесь кое-как – на кухнях да в запечках, спали на полу.

Мария Ивановна Шилкина, 62 года:

«Это как же немцев у нас не было? Битком набита ими была вся деревня. Почти в каждой избе, разве что кроме самых плохих, – по несколько человек. Мой старший брат сперва в лесу прятался. Нас же с сестренкой мама на санках в Златоустово перевезла. А когда мы вернулись, в домах немцы уже нары двухъярусные понаделали, чтобы спать на них, нам же места почти не оставалось».

Егор Степанович Тарасов, 63 года:

«У нас в доме жил какой-то важный немецкий начальник, офицер. Помню, по утрам приходили брить его. А вообще немцы размещались почти во всех избах. Когда Зоя подожгла соседний с нами дом Кареловых и сарай с лошадьми возле него, немцы выскакивали полуодетые. Это я тоже запомнил».

Много деталей, которые не придумаешь. К примеру, *Антонина Семеновна Филиппова (ей 76 лет)* рассказывала, что немцы устроили за ее домом кузню, где ковали и перековывали своих лошадей. Стоял во дворе молодой вяз – на ствол его нанизывали подковы. Они так и остались потом, заросли. Вяз нынче в обхват толстенный. «Распилите, – говорила Антонина Семеновна, показывая на дерево, – и увидите там железо это заросшее».

Мария Ивановна Седова (сейчас 81 год) и ее дочери Валентина и Нина (было им тогда соответственно 11 и 9 лет) жили в доме на самом краю деревни, куда немцы сначала привели схваченную Зою и где обыскивали ее. Так вот, в этом доме тоже было полно незваных постояльцев. Они и кур перестреляли на еду, и овец, поросенка, и корову у бабушки Седовой. Перед Рождеством елку срубили около избы (в лес пойти, очевидно, боялись) и установили ее в комнате. Перепились, бросались бутылками в стену, орали песни. А потом вывалились на улицу. Известно, что тело казненной Зои оставалось на виселице – для устрашения жителей – полтора месяца, до самого прихода наших, и в ту рождественскую ночь пьяные солдаты еще раз надругались над ним: искололи штыками, кинжалами, отрезали грудь...

А насчет того, что подожгла Зоя три дома (унтер Бейерлейн ошибся, назвав по памяти четыре), в газетах писалось уже тогда, вскоре после событий. Известны и фамилии владельцев этих домов – Кареловы, Солнцевы, Смирновы.

Кто поймал Зою? У Лидова в первом очерке сказано: в тот момент, когда она собиралась поджечь конюшню, где стояли обозные лошади, часовой подкрался и обхватил ее сзади руками. Уточню: первым Зою заметил один из местных жителей, которых после поджога немцы тоже выставили в караул. И схватил ее или он сам, или солдаты, которых он позвал.

Кто ее истязал

Да, в истории все гораздо сложнее, нежели в газетном очерке, написанном даже талантливым и честным журналистом, но оперативно, срочно, когда для подробного расследования просто не было времени. Учтем и суровые тогдашние военные табу. Что-то в очерк не вошло просто из-за недостатка места, что-то, возможно, было опущено сознательно, а какие-то моменты были переданы не совсем точно. Все это так. В подтверждение жизненной сложности обстоятельств могу привести не только факт поимки Зои, но и ряд других. Скажем, хозяева сожженных домов (а не только немцы) вполне естественно досадовали, оставаясь без крова. Кто-то из них, когда Зою схватили, прямо сказал ей об этом, кто-то даже ударил ее. Но достаточное ли это основание, чтобы утверждать теперь, что избили Зою жители деревни, а никаких фашистских зверств, о которых в свое время столько писалось, совершено не было? Ведь так же получается в статье Жовтиса!

Из показаний унтер-офицера Карла Бейерлейна: «На следующий день по роте пронесся шум и одновременно вздох облегчения – сказали, что наша стража задержала партизанку. Я пошел в канцелярию, куда двое солдат привели женщину. Я спросил, что хотела сделать эта 18-летняя девушка. Она собиралась поджечь дом и имела при себе 6 бутылок бензина. Девушку поволокли в помещение штаба батальона, вскоре туда явился командир полка подполковник Рюдерер. Через переводчика он хотел не только добиться признания, но и выяснить имена помощников. Но ни одно слово не сорвалось с губ девушки... На улице ее продолжали избивать до тех пор, пока не пришел приказ перенести несчастную в помещение. Ее принесли. Она посинела от мороза. Раны кровоточили. Она не сказала ничего...»

Так это было. О пытках, жестоких мучениях, которым была подвергнута фашистами Зоя, рассказывала в свое время Прасковья Кулик – хозяйка дома, где все это происходило. Рассказывали и хозяйки других домов, где допрашивали Зою, – Воронина, уже знакомые нам Мария Седова с дочерьми, которые живы до сих пор. Кошунство – отрицать это сейчас! Кошунство – подгонять под новую заданную схему то, что произошло в Петрищеве тогда!

А ведь Жовтис именно подгоняет.

«Трагедия в подмосковной деревушке, – пишет он, – явилась результатом того, что, срочно создавая партизанские отряды из готовых к самопожертвованию во имя правого дела мальчиков и девочек, их, видимо, ориентировали на осуществление тактики «выжженной земли». Ведь, как свидетельствует участник событий писатель В. И. Кожин, «отряды подрывников уничтожали не только стратегические объекты, но и прихватывали обычные селения».

Что сказать? Хорошо, по-моему, написала об этом семья Лидова в «Аргументы и факты» (увы, редакция не сочла возможным или нужным напечатать это место из письма, как и многое другое из прочих писем, «невыгодное» и «неудобное» для этой газеты). Цитирую:

«У войны не женское лицо. Почти дети уходили на фронт и становились одновременно ее героями и заложниками, поджигали свои дома, чтобы в них сгорали чужие. Бывало, люди палили и собственные хаты. Из сегодняшнего далека можно пожалеть не только о сожженных пятистенках, но и о сгоревших лошадях. Но то было другое, жестокое время, которое нужно мерить его же собственной меркой».

Разве неверно сказано? О том же, хоть и по-своему, говорила мне в Петрищеве старая крестьянка Мария Ивановна Шилкина: «Да можно ли судить о военном времени с нашей нынешней колокольни? Надо в ту пору вникнуть...»

Нет, Жовтис внушает свое: «Заблуждался ли П. Лидов, обманутый смертельно запуганными жителями деревни, или сам создал выгодную сталинской пропаганде версию событий, но именно эта версия стала признанной и вошла в историю».

Об этике и совести

Однако и этим «работа» газеты, охотно пошедшей вслед за сенсационным автором, не кончилась. Многое из того, что специально отобрано для публикации откликов, я бы назвал уже полным беспределом.

Представьте себе, нашлись медики из ведущего научно-методического центра детской психиатрии, которые написали (а редакция опубликовала!) письмо со ссылкой на историю болезни 14-летней Зои. Замечу: на историю, которой в архиве больницы нет – якобы изъята после войны. Но, положим, она была. И о чем же это свидетельствует? Что Зоя Космодемьянская, признанный эрудит и школьная отличница до 10-го класса, из которого ушла воевать, – психически больной человек, шизофреник? Говорят, Жанне д'Арк порой слышались неземные голоса, но французам и в голову не придет объявлять свою национальную героиню сумасшедшей. Неужели не стыдно вам, врачи-соотечественники? И вам не стыдно, коллеги из «Аргументов и фактов»?

Владимир Успенский правильно поставил вопрос об этике писателя. Но есть еще и этика врачебная, этика журналистская. Есть и редакционный профессионализм, который не позволяет – при любой гласности и свободе слова – публиковать заведомую нелепость. А именно таковой я считаю заметку некоего В. Леонидова из Москвы, напечатанную в той же подборке писем.

Автору хочется доказать, что Зоя – это вообще не Зоя, а кто-то другой. И он ставит под сомнение опознание тела, проводившееся после освобождения Петрищева зимой 42-го года. Причем как это делает!

«Расскажу вам, что я слышал примерно в 1948 году от жителей д. Петрищево», – так начинается он. Опять «слышал»... Ну ладно. А что же слышал-то?

«Бои в Петрищево не шли. Немцы ушли. Через некоторое время в деревню приехала комиссия и с ней 10 женщин. Выкопали Таню. Никто в трупе не определил своей дочери, ее снова закопали. В газетах тех времен появились фотографии издевательств над Таней. Наконец, за подвиг девушке посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Вскоре после этого указа приехала комиссия с другими женщинами. Вторично вытащили из могилы Таню. Началось чудо-представление. Каждая женщина в Тане опознавала свою дочь. Слезы, причитания по погибшей. А потом, на удивление всех жителей деревни, драка за право признать погибшую своей дочерью. Побоище было страшное. Всех разогнала длинная и худая женщина, впоследствии оказавшаяся Космодемьянской. Так Таня стала Зоей».

Ну почему Зоя назвалась Таней – давно и широко известно: по имени своей любимой героини Гражданской войны Татьяны Соломахи. Но вдумайтесь как следует в то, что вы прочитали. Я уж не говорю еще об одном грязном кощунстве, относящемся на сей раз к матери Зои. Однако оскорблена-то, по сути, не только она, потерявшая на войне дочь и сына, поседевшая и оглохшая от нервного потрясения при опознании дочери. Оскорблены и многие неназванные матери, тоже приезжавшие к могиле в надежде найти свое пропавшее без вести дитя. Но вы вдумайтесь: того, что описано, просто не могло быть по элементарной логике!

Получается: при первом приезде комиссии и матерей Зою не опознали. И тем не менее вскоре ей присвоили звание Героя Советского Союза. Но кому же присвоили? Бесфамильной Тане? Такого, естественно, не было и не могло быть. Бесфамильным, неизвестным званий и наград не выдавали. Звание Героя Советского Союза было присвоено Зое Анатольевне Космодемьянской (именно ей!) Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1942 года. Акт опознания, который я держал в своих руках, будучи в архиве, подписан 4 февраля. Значит, не было уже надобности после этого вторично вскрывать могилу и свозить матерей. Невозможен был никакой спор, а тем более драка, побоище (!) за право стать матерью Героя

Советского Союза. Мать уже была установлена. Где же она, логика? Как же можно было не заметить явной нелепости? Нет, скорее всего сознательно «не заметили», потому что нелепость-то выгодная...

Раз уж речь зашла об опознании, скажу немного, как это было на самом деле. Жителям Петрищева, близко видавшим Зою (а таких оказалось немало), показали фотографии нескольких девушек из разведывательно-диверсионной части 9903 под командованием майора Спрогиса, – девушек, пропавших за последнее время без вести. Мария Ивановна Седова и две ее дочери сказали мне: принесли целую стопу комсомольских билетов с фотографиями. И среди них все смотревшие – каждый сам по себе – признали Зою.

Это первое. Второе: на опознание, кроме Любви Тимофеевны, знавшей некоторые интимные приметы дочери, приехала также ближайшая подруга Зои по отряду – Клава Милорадова. Незадолго они вместе были в бане, и какие-то приметы запомнились. Нашлись и характерные предметы одежды.

Но и это еще не все. В 1943 году под Смоленском у убитого немецкого офицера были обнаружены фотографии казни Зои (о том, что ее казнь гитлеровцы фотографировали, писал еще в своем первом очерке Лидов). Так вот, на этих фотографиях, сделанных в разных ракурсах, Зоя узнается совершенно четко и, думается, безошибочно.

Какие мы сегодня

Кстати, свидетелем неожиданного продолжения той истории я стал, приехав в Петрищево. Здесь, в музее, мне показали недавнее письмо из Воронежа от юриста Игоря Юрьевича Дубинкина. К нему от умершего отца, работавшего в саратовской областной газете, попала фотография (не репродукция – подлинник!), на которой воспроизведен еще один, ранее неизвестный ракурс Зоинной казни. Игорь Юрьевич поспешил послать этот уникальный снимок в петрищевский музей, сопроводив искренним, прочувствованным письмом.

О, благодарная человеческая память! Не все мы, к счастью, утратили ее, не все окончательно озверели в эти смутные годы. Есть и настоящие люди среди нас...

Считаю нужным сказать в связи с этим еще об одном эпизоде, связанном с разысканиями вокруг Зои. Елена Сенявская, аспирантка Института истории России, тоже послала в «Аргументы и факты» свое письмо. Дело в том, что некоторые студентки бывшего Московского геологоразведочного института, увидев в 1942 году в «Правде» фотографию казненной Тани, признали в ней свою однокурсницу Лилю Азолину.

У нее с Зоей много общего. Известно, что Лиля осенью 41-го ушла добровольцем в Коммунистический батальон Красной Пресни, что с ней беседовал майор Спрогис – командир Зоинной части. Но в эту часть Лиля почему-то не попала. Была в отряде Иовлева, который действовал в районе Звенигорода. Это примерно в 60 километрах от Петрищева. Где-то там, наверное, и погибла. Однако подруги продолжают поиск. Загоревшаяся их гипотезой, подключилась к ним и 24-летняя аспирантка Лена Сенявская.

Более увлеченного человека, увлеченного и историей Великой Отечественной, по которой она пишет диссертацию (тема – «Духовный облик фронтового поколения»), и личностью Лили Азолиной, пожалуй, трудно представить. Есть тому объяснение: ее отец, в юности – фронтовик, всю войну носил в комсомольском, а затем в партийном билете фото Зои Космодемьянской. Первой любовью его тоже стала девушка, сражавшаяся и погибшая в истребительном батальоне. Ей и Зое он, доктор исторических наук, после войны посвятил свою повесть «Лунная соната».

Но вдруг, когда он уже умер, Лена узнает, что есть еще одна, безвестная, но прекрасная героиня – Лиля Азолина. Стремление сделать ее тоже известной всецело овладевает девушкой.

Она показывала мне Лилин портрет. Сходство с Зоей действительно удивительное. Хотя это по существу единственный аргумент. Нет, имеется еще один – Лиля тоже могла назваться Таней, потому что так звали ее младшую сестру, и ей очень нравилось это имя. Лена Сенявская хочет непременно провести криминалистическую экспертизу, чтобы исследовать и квалифицированно сличить два портрета. Ведь жива еще Лилина мама – ей 95 лет, и она по-прежнему ждет свою дочку, пропавшую без вести.

Что ж, я считаю, дело, которым увлечена Лена Сенявская, не только правомерное, но и по-своему святое. Никогда нельзя ставить последнюю точку в военной истории, в поиске героев, которые где-то и когда-то погибли за Родину. Надежда умирает последней...

А теперь – вопрос, который ставили при нашей встрече все боевые друзья и подруги Зои. Да и не только они. Передо мной он, этот вопрос, тоже возник сразу после прочтения тех материалов в «Аргументах и фактах»: а случайно ли они появились именно в нынешнее время, да еще накануне 50-летия разгрома немецко-фашистских войск под Москвой?

Думаю, не случайно. У известного поэта есть известные строки: «...если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно?» Признаем и другое: если гасят звезды, это тоже нужно кому-нибудь. А сейчас (разве не видно?) идет целенаправленная стрельба по героическим звездам нашей истории. Добрались и до Великой Отечественной. Стреляют, как в тире по мишеням, выбивая одну за другой.

Говорят, мертвым не больно. Не знаю. Вижу только: стреляют в мертвых, а попадают нередко в живых. Покончила с собой поэт-фронтовик Юлия Друнина. Узнав о невольном перезахоронении из Вильнюса своего боевого товарища, прославленного полководца Ивана Черняховского, и спеша на неожиданное новое прощанье с ним, скоропостижно скончался полковник в отставке, писатель и ученый Акрам Шарипов: сердце не выдержало...

Впрочем, трагический список можно бы привести большой. Довольны вы, гробокопатели?

Авторы ряда откликов, направленных в «Аргументы и факты», в разговорах со мной сетовали, что их материалы так и не появились в этом издании. Разумеется, в чем-то я понимаю его сотрудников: увы, всего не напечатаешь. Но в данном-то случае и авторы некоторых напечатанных заметок тоже огорчены и удручены. Считают, что их сократили и отредактировали весьма тенденциозно, из-за чего оказался или не вполне донесенным, или даже искаженным главный смысл. Приведу хотя бы два абзаца, которые – по техническим или более серьезным причинам – редакция «Аргументов и фактов» сочла нужным опустить.

Из письма кандидата исторических наук, ветерана Великой Отечественной войны Владимира Ивановича Залужного:

«Складывается впечатление, что некоторые сотрудники еженедельника, защищая свой мундир в связи с опубликованием провокационного материала А. Жовтиса, решили идти до конца и любой ценой попытаться развенчать светлый образ казненной немецкими фашистами Зои Космодемьянской. Если это так, то подобная затея должна квалифицироваться как аморальный поступок».

Из письма Елены Сенявской:

«Что же до обстоятельств гибели... На Руси мучеников всегда считали святыми. А то, что девушка погибла мученически, думаю, ни у кого не вызывает сомнений. И кто бы она ни была – Таня, Зоя, Лиля, – будем помнить. Ее и других, известных и безымянных, положивших жизнь на алтарь Победы. Больше жертвы не бывает. Сестры по судьбам, они совершили каждая свой подвиг во имя Отечества».

Полностью разделяю эти мысли – и ветерана, и юной исследовательницы великой войны. Но как огорчило ее, что, украв из этого абзаца мысль о жертвенном мученичестве героев для редакционной сводки, какая-то жестокая и расчетливая рука две последние фразы вычеркнула,

вписав свою: «Другое дело – насколько оправданна была эта жертва». К счастью, Лена Сенявская так не думает. В оправданности героизма наших людей у нее нет сомнения.

Вновь и вновь вслед за ней я пытаюсь представить себя на месте тех совсем молодых ребят и девчат, которые, не очень-то и обученные воевать, добровольно, группами и поодиночке уходили в ночь, в мороз, в зимний лес, каждую минуту рискуя попасть в лапы жестокого врага. Кто-то из них стал известен потом стране и всему миру, о ком-то мы до сих пор ничего не знаем. Но воздадим славу им всем – заслуженную и неделимую. Низкий поклон и вечная память героям, достойно представляющим целое поколение нашего народа. Фронтовое поколение. Да святится в веках имя твое, Зоя, Лиля, Таня!.. Все вы, которых было так много, в страшные военные годы отдали за нас действительно самое дорогое – свою жизнь. И мы не можем, не должны, не имеем права забывать, а тем более предавать вас.

Это она, наша Зоя!

Скажем прямо: в развернувшейся целенаправленной кампании по тотальному охаиванию нашего советского времени Зоя стала одной из самых горьких жертв. Ведь договорились до того, что Космодемьянская – вовсе не Космодемьянская, а кто-то другой!

Как же воспринята была публикация моего расследования в «Правде»? Что произошло потом?

Сразу отмечу: статья вызвала более тысячи откликов. И они убедительно свидетельствовали, как все-таки неравнодушны честные люди к своей истории и сколь дороги им ее герои.

Посмертная судьба Зои больше всего, наверное, жгла души ее боевых друзей и подруг – бывших воинов разведывательно-диверсионной части 9903, действовавшей на Западном фронте под командованием мужественного, бесстрашного Артура Карловича Спрогиса. Это сюда она, совсем юная и слишком красивая для разведчицы (которая ни в коем случае не должна бросаться в глаза и привлекать внимание), была зачислена, одолев в конце концов своей настойчивостью даже волю свертвердого командира. Это здесь, в той части, принимала суровое фронтовое крещение на ближних подступах к столице – «в белоснежных полях под Москвой». Это они, тогдашние комсомольцы и комсомолки, были рядом с ней все безмерно тяжелые оборонные дни, а потом в стылую ночь провожали на последнее задание, с которого девушке уже не суждено было вернуться.

Так вот теперь их сердца первыми отозвались на возмутительное кощунство по отношению к Зое. Отозвались болью и протестом, которые и привели ветеранов в «Правду». Да и после нашей публикации до конца не успокоились они: как может кто-то утверждать, будто Зоя не есть Зоя?! Разумеется, память любого отдавшего жизнь за Родину священна, каково бы ни было имя его. Но Зоины однополчане верили, твердо верили, что в подмосковной деревне Петрищево 29 ноября 1941 года фашистами была казнена именно она, Зоя Космодемьянская.

Возникло под напором посеянной смуты у разных людей сомнение: а она ли действительно на известной фотографии Сергея Струнникова, опубликованной некогда в «Правде» вместе с очерком Петра Лидова «Таня»? Лицо девушки, снятой с виселицы и пролежавшей несколько недель в земле, искажено смертной мукой, сковано морозом. На ангажированный взгляд и в самом деле могло показаться кому-то непохожим на другое известное фото – задумчивой школьницы с округлым, аккуратным белым воротничком вокруг нежной шеи.

Что же делать? Как все-таки доказать, что это – одно и то же лицо? И тогда у нас в «Правде» появилась мысль: надо прибегнуть к экспертизе. Известно, эксперты-специалисты разгадывают самые мудреные жизненные загадки. И хотя мысль эта многих друзей Зои с самого начала приводила в смущение («выходит, и мы вроде сомневаемся, да и нет ли тут тоже своего рода кощунства над памятью павшей: технически как бы препарировать ее»), большинство все же сошлись на таком решении. Своих союзников ветераны нашли в Центральном архиве ВЛКСМ, где хранится обширное «дело» Зои...

И вот передо мной официальный пакет, из которого я достаю бланк с грифом и подписью заведующего архивом В. Хорунжего. Приведу текст полностью:

«В редакцию газеты «Правда». Мы глубоко благодарны вам за статью «Трагедия Зои Космодемьянской», все положения и факты которой полностью разделяем. Убеждены, что материал этот служит восстановлению правды о славной героине нашего народа вопреки распространяемым о ней некоторыми изданиями лжи и клевете.

В связи с рядом спорных вопросов, возникших вокруг подвига и имени Зои Космодемьянской (публикации еженедельной газеты «Аргументы и факты» №№ 38, 43, 1991 г.), Центральный архив ВЛКСМ обратился в Научно-исследовательский институт судебных экспертиз Министерства юстиции Российской Федерации с просьбой провести экспертизу по установ-

лению личности погибшей. Для этого были направлены фотографии З. Космодемьянской, Л. Азолиной и повешенной девушки. Всего 9 фотографий.

Заключение специалиста: «...на фотографии трупа повешенной девушки запечатлена Зоя Космодемьянская».

Заключение подробное, обстоятельное, с детальным описанием проделанного исследования. Проведение его, как следует из текста, было поручено одному из опытнейших и самых квалифицированных специалистов – кандидату юридических наук Александру Александровичу Гусеву, работающему в области судебно-портретной экспертизы с 1948 года.

Я позвонил ему и задал несколько вопросов.

– Трудная была работа?

– Да, трудная. Но легких у нас не бывает.

– Приходилось ли вам в вашей практике сталкиваться с чем-то подобным?

– Не один раз доводилось устанавливать по фотографиям личности наших партизанских командиров, действовавших в том числе, например, и на территории Польши. У них были измененные имена, какие-нибудь псевдонимы. Многим удалось вернуть подлинное имя.

– Но ведь Зоя Космодемьянская, согласитесь, имя особенное.

– Да, в народе оно всегда пользовалось особой любовью, и я рад, что внес какую-то лепту в восстановление правды о ней.

– А нет ли сомнения в достоверности результата?

– Ни малейшего. Абсолютно убежден, что вывод полностью соответствует действительности.

С меня будто свалился тяжелый груз. Повторюсь: любая девушка, которая была бы на месте Зои, достойна не меньшего уважения и поклонения. Но Зоя за многие годы уже вошла не только в историю, но и в сознание нашего народа. И отрадно, что это никакой не миф, а суровая и героическая действительность, память о которой, надеюсь, останется навсегда в народной душе.

Об этом, собственно, и говорится во многих сотнях писем, пришедших в редакцию после статьи «Трагедия Зои Космодемьянской».

Л. Педченко, г. Новая Каховка: «От души благодарны за статью в защиту Зои Космодемьянской. Все, кому я давал ее читать, были сильно взволнованы. Очень рады, что коллектив газеты борется с несправедливостью, в чем бы она ни выражалась, честно несет людям слово правды».

М. Шибалис, бывший редактор газеты 132-й стрелковой дивизии «В атаку», г. Минск: «Надругательство над памятью таких героев, как Зоя, ничем нельзя оправдать! Во время войны мне довелось писать о многих ее сверстницах. С какой искренней душевной чистотой рвались они защищать Родину! И как твердо шли на смерть во имя нее».

В. Соловьев, г. Борщев Тернопольской области: «Мы с женой два с половиной года находились в действующей армии и хорошо знаем, что такое война. Цену победы никогда не забудем, пока не остановится сердце. А Зоя – символ нашей великой борьбы и великой победы».

В. Белов, профессор, председатель этической экспертной медицинской комиссии совета федераций обществ психиатров и наркологов: «Наша комиссия однозначно расценивает публикацию в «Аргументах и фактах» о Зое Космодемьянской как явное нарушение этических медицинских принципов и нормативных документов. Наши настойчивые попытки выяснить через редакцию «АиФ» источник получения этой информации оказались безрезультатными».

В. Кувабин, г. Калининград Московской области: «Пишет вам пятидесятилетний, сотрудник НИИ, ровесник подвига Зои, ни разу не произнесший слова «папа» (отец, ушедший на войну в первые же дни, погиб под Смоленском в 1943 году). Я и моя мама низко, по-русски вам кланяемся за ваше горячее сердце, нетерпимость ко лжи и заботу о будущих поколениях.

У меня сын семи лет. И на каких примерах я буду его воспитывать, если верх возьмут всякие предатели?»

Верю все же: будущее – за истиной.

* * *

Так уверенно завершил я тогда, в начавшемся 1992 году, эту заметку, которая, конечно, обрадовала многих. По крайней мере, поставлена точка в сомнениях о личности Зои. Значит, думал я, есть основания верить, что истина действительно восторжествует в полном объеме.

Но, думая так, сознавал: за истину, за Зою еще предстоит бороться и бороться...

Глава вторая. В борьбе бывают горести и радости

Годы 90-е двадцатого века, в которые вместе со страной вступила «Правда» (все-таки вступила, отбив покушения на убийство!), стали для газеты, основанной Лениным, и всех причастных к ней исключительно тяжелыми. Нас опять волею власти закрывали, душили финансовой удавкой, чинили массу иных самых разных препон.

Однако газета держалась. Когда же в результате хитроумного маневра противникам удалось свести наш выход лишь к одному разу в неделю да всего на четырех страницах, выручила меня со множеством горящих тем единокровная «Советская Россия». Тема Зои, как и других советских героев, нуждавшихся в защите, при крайней правдинской тесноте этого периода громче зазвучала здесь. Чтобы затем снова занять достойное место в «Правде» и широко звучать в обеих газетах одновременно.

Борьба продолжалась, и были в ней некоторые победы. Пусть частные, что мы прекрасно понимали, и все-таки... Наверное, в борьбе всегда бывают горести и радости. Так вот радости, о которых напоминают включенные в эту главу публикации, давали нам новые силы.

Удалось поддержать музей Зои в Петрищеве. Заметно отмечен в Москве ее 75-летний юбилей. Еще совсем недавно ни о чем таком и помыслить было невозможно, а вот теперь, в 1998 году, состоялось!

Разумеется, не обольщались мы и насчет только нашего влияния. Главное – сильно уже заявила о себе КПРФ, а при этом и ветераны войны увереннее поднимали свой голос. Хотя давление на них и всяческие ухищренные махинации с этой частью «электората» тоже нарастали...

Вернемся к Зое в те дни горестей и радостей наших.

Думаю, вы обратите внимание, что какие-то аргументы в моей полемике, какие-то грани большой темы местами повторяются. Это будет и дальше. И это неизбежно даже при том, что многое из публикаций того времени я сократил. Но есть такое, что не только тогда, но и сейчас, я считаю, обязательно надо еще и еще раз повторять, чтобы дошло до сознания всех! Пока, увы, не дошло.

Третья казнь

Некоторое время назад в Государственной думе по инициативе группы депутатов-коммунистов была распространена записка о гибельном состоянии музея и памятных мест, увековечивающих подвиг Героя Советского Союза Зои Космодемьянской. Два профессора – Иван Осадчий и Станислав Чибиряев, представляющие общество «Российские ученые социалистической ориентации», били тревогу:

«На произвол судьбы брошен музей Зои Космодемьянской в деревне Петрищево. Уже несколько лет о нем ни районная, ни областная администрации не проявляют никакой заботы. Фактически музей заброшен. Он находится на попечении трех сотрудниц с нерегулярно выплачиваемой зарплатой в 200–300 тысяч рублей (очень мало в деньгах того времени! – В.К.). Основное здание музея с тысячами экспонатов находится на грани гибели. Филиал музея – домик Прасковьи Кулик, в котором Зоя провела последнюю ночь своей 18-летней жизни, – в аварийном состоянии и уже закрыт для посещения. Место казни Зои заброшено и запущено. Металлическая ограда разрушается, калитка сорвана и отброшена. От бывших прожекторов, освещавших обелиск, остались куски искореженного металла».

Год 1997-й...

Авторы записки обращались к Думе с просьбой: принять специальное постановление, требующее от правительства и Министерства культуры, от мэрии Москвы и администрации Московской области незамедлительных мер по спасению музея и памятных мест, связанных с подвигом славной патриотки России.

«Больно и горько сознавать, – писали они, – что имя и подвиг Зои, ее юная жизнь, отданная за свободу нашей Родины, нашего народа, за нашу свободу, кощунственно предаются забвению. Не иначе, память и совесть многих ответственных государственных чиновников подвержены эрозии. По нашему мнению, это – преступное равнодушие».

Прошло три месяца. И вот я снова еду в Петрищево.

* * *

Было время, когда название этой подмосковной деревеньки знали все в нашей стране. И, конечно же, все знали, кто была Зоя Космодемьянская.

Теперь, в письме профессоров, обращенном к Госдуме, поразили меня не только факты разрушения памятных мест. Поразило и то, что авторы сочли необходимым начать с биографической справки. Значит, не уверены, что всем депутатам известно, о ком идет речь?

«Зоя Анатольевна Космодемьянская, советская партизанка, героиня Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Родилась 13 сентября 1923 года в селе Осиновые Гаи Тамбовской области в семье служащего. Член ВЛКСМ с 1938 г. Училась в 201-й средней школе Москвы.

В октябре 1941 года, будучи ученицей 10-го класса, добровольцем ушла в партизанский отряд. У деревни Обухово, близ Наро-Фоминска, с группой комсомольцев-партизан перешла через линию фронта на занятую немецкими оккупантами территорию. В конце ноября 1941 г. при выполнении боевого задания была схвачена фашистами в деревне Петрищево Верейского района Московской области. Несмотря на чудовищные пытки и издевательства палачей, не выдала товарищей, не открыла своего настоящего имени, назвалась Таней. 29 ноября 1941 года была казнена.

16 февраля 1942 года Зое Космодемьянской посмертно присвоено звание Героя Советского Союза».

Я решил привести эту справку, поскольку у меня вдруг возникла мысль: не только кто-то из депутатов, но и некоторые читатели мои могут нынче не знать, за кого это так хлопочет газета. Вот спросил в одной из московских школ, кто такая была Зоя Космодемьянская, и, оказалось, что среди 21 ученика в выпускном, одиннадцатом классе только двум известно это имя...

Боже мой! Да мог ли я представить еще сравнительно недавно, что такое когда-нибудь произойдет? Я уж не говорю про мое поколение – детей Великой Отечественной, выросшее с этим именем. В школе, куда обратился, училась в свое время моя дочь, и для ее сверстников Зоя Космодемьянская тоже была самой почитаемой, любимой героиней. Что же случилось потом? Почему приходится теперь давать справку о ней даже депутатам, а школьники растерянно смотрят на меня, когда я спрашиваю: кто она была, Зоя?

Пожалуй, в открытые ворота ломлюсь. Что случилось да почему – неужто еще неясно?

На глазах убивали и убивают нашу историю, наших героев, нашу память.

Результат налицо! Горький, скорбный результат, от которого впору кричать.

Мне немало пришлось писать за последние годы, как отстреливают память тех, кто был путеводным светом для нас. Среди трагических этих историй судьба Зои едва ли не самая трагическая.

...И вот опять, как и тогда, шесть лет назад, я схожу с автобуса на краю той деревни, неся тяжкий груз тревоги в душе.

Знакомый дом – деревянный, просторный, окрашенный в цвет небесной синевы, изрядно поблекшей от времени. Потом мне скажут, что за последние годы «новые русские» уже не раз примеривались закупить это здание, специально построенное в свое время для музея Зои. Замираю у входа перед знакомыми ее словами, сказанными под виселицей и звучащими сегодня с необыкновенной, забытой силой: «Это счастье – умереть за свой народ!»

И знакомые люди встречают меня: Надежда Серафимовна Ефименкова – директор музея, Татьяна Григорьевна Тенькова и Надежда Владимировна Савосина – научные сотрудники.

Все они работают здесь много лет. Все неотделимы от дорогого их сердцу музея, преданы ему беспредельно и, как могут, дают ему жизнь.

Чтобы громкие слова не воспринимались абстрактно, скажу для примера. Татьяна Григорьевна и Надежда Владимировна, получающие на руки мизерные деньги – по 216 тысяч рублей в месяц (да и то нынче нерегулярно!), живут на станции Дорохово, а билет оттуда и обратно каждый раз обходится в 6400 рублей. Но они другого места себе не ищут!

Я разговаривал с ними, а сам думал, сколько же вот таких подвижников в моей России – музейщиков, библиотекарей, учителей, врачей – не дают, вопреки всему, окончательно разрушить нашу культуру и накрыть нас мраком дикости, на который обрекает нынешняя власть.

Меня заботило, что сделано для спасения музея после постановки этого вопроса в Госдуме и публикаций в печати. Спросил:

– Помогли вам чем-нибудь?

– Видите, крыльцо новое, а то совсем завалилось... Был генеральный директор «Мосгаза» Бусанкин Вячеслав Алексеевич: у них детский лагерь здесь недалеко. Распорядился – и сразу привезли пиломатериалы, рабочие приехали.

Узнаю, что заезжал также Иван Петрович Самохин – начальник треста № 6 Мособлстроя. Когда-то он в Рузе работал начальником ПМК, детей его в этом музее принимали в пионеры. «Мне жалко, – сказал, – что здесь все разрушается». Пообещал перекрыть крышу и сделать для начала хотя бы косметический ремонт.

Мы сидим в комнате музея, где немногим теплее, чем на улице: отопление не работает уже несколько лет. Вот можно теперь хоть к электрообогревателю руки и ноги прислонить – погреться.

Это подарок от комитета по делам молодежи администрации Московской области. Пять таких обогревателей привезли. Плюс к этому – пишущую машинку, часы, два телефонных аппарата. Выделили деньги для издания буклетов и путеводителей. Будут делать на заказ новые музейные витрины...

На этот комитет у директора музея надежды особые. И не только, так сказать, в плане материальной помощи. Порадовало, например, что они, как в былые времена, провели здесь на днях слет командиров поисковых групп, занимающихся установлением имен погибших в Великую Отечественную войну. Собираются восстановить в Тучкове турнир по художественной гимнастике памяти Зои и Шуры Космодемьянских, который проводился ежегодно, а потом был забыт. Планируют создать на базе музея областной центр, посвященный участию молодежи в партизанском движении на временно оккупированной территории Московской области в 1941–1942 годах. Деревню эту включили в молодежные и детские туристические маршруты...

– Вы, если будете писать, – просит директор, – не только наши беды перечисляйте. Скажите, что мы все-таки на плаву, мы не погибли. Пусть люди приезжают!

Когда-то народная тропа сюда, в Петрищево, не зарастала ни на один день. В середине 80-х годов, перед тем, что будет названо «перестройкой», принимали за год больше 200 тысяч человек. К началу 90-х эта цифра упала до трех тысяч. Понятно: злобная кампания по дискредитации героини достигла тогда своего апогея.

За последний год они приняли около 5 тысяч посетителей. Конечно, пока гораздо меньше, чем было в лучшие годы, но уже значительно больше, чем пять – шесть лет назад...

– Едут уже не только из Москвы и Московской области, но и из Калуги, Козельска, других мест... А главное – как слушают!

Надежда Серафимовна рассказывает: вела она группу девочек лет 15–16, так две из них были настолько потрясены услышанным, что чуть сознание не теряли.

А как волнующе до сих пор проходит посвящение в космодемьянцы ребят из соседней школы! Они выходят после торжественной церемонии такие гордые, такие очищенные и приподнятые духом...

* * *

Всем нам свойственно искать духовную опору в надежде. Сегодня, в эти труднейшие для Родины времена, – особенно.

Вместе с работницами музея, слушая их, я радовался каждому проявлению благородных человеческих чувств, о которых они говорили.

Однако – душу не отпускала тревога! Да, больше стало приезжать людей в Петрищево, и заметно, что на них обвал наглой лжи и клеветы не имеет прежнего действия. Но...

Я же помню, в выпускном классе столичной школы из 21 ученика 19 вообще не знают, кто она такая, Зоя Космодемьянская.

Значит, вслед за казнью петлей и казнью клеветой, которые довелось ей пережить, хотят подвергнуть еще одной казни – забвением.

В музей приезжают 5 тысяч человек в год.

А сколько учится в школах России?

Увы, многие из них, как я сам убедился, ничего не знают ни о Зое Космодемьянской, ни о других героях Великой Отечественной.

Да и войну эту все чаще называют им иначе – Второй мировой. В учебнике А. Кредера «Новейшая история. XX век», изданном на деньги американца Д. Сороса, сказано: «СССР стал соучастником развязывания новой (второй мировой) войны...» Вот так!

А когда и где произошел перелом в этой войне? После Сталинградской битвы, как признано было, кажется, во всем мире? Нет! Совсем нет! «Первым вестником перелома во второй мировой войне стало сражение... у атолла Мидуэй», – поучает профессор Кредер.

Вообще, в его (и не только его!) трактовке главные, решающие военные действия происходили не в полях под Москвой, не на Волге и не под Курском, а в Африке и Атлантике. На описание тамошних сражений автор не скупится, посвящая им множество страниц, а вот Сталинградская и Курская битвы уместились у него... в четыре с половиной строчки.

И такой учебник нашим детям выдается бесплатно – как подарок от дядюшки Сороса! То есть по существу навязывается забвение той великой роли, которую сыграла родная страна в разгроме германского фашизма. На это же, именно на это давно работает по всем каналам и телевидение, называемое российским.

Чтобы не любили свою Родину, а презирали ее!

– У детей укореняется чувство, что не повезло им – родиться в такой стране, на задворках мировой цивилизации, – говорили мне учителя. – Мы стараемся противостоять, но силы бывают неравны. Телевидение – это же страшный дурман! Плюс газеты, книги определенного толка, вроде пресловутого Резуна-Суворова, которыми завалены все прилавки. Хорошо еще, если в семье есть ветераны, – помогают правильно все понять. А если нет?..

Перед отъездом из Петрищева я долго стоял возле дома колхозницы Прасковьи Кулик, где Зое суждено было принять жестокие вражеские пытки, где она провела последнюю ночь своей жизни, откуда ушла на смерть и в бессмертие.

Домик покосился, накренился. Он – на запоре. В него уже не водят посетителей, боясь, как бы не рухнул потолок. Что потеряем мы, если не сохраним этот памятный дом, в стенах которого переживаешь ни с чем не сравнимые чувства?

В свое время писатель, претендующий на звание пророка, бросил фразу о «дурочке Зое». Дурочка она, конечно, потому, что отдала свою жизнь бездумно – «за сталинский режим».

О, эти мудрецы! Ведают ли, что натворили?

Теперешние молодые, лишённые идеалов и героев, – на их счету.

Растерянные, разобщенные, не верящие ни во что. Ну как им понять: «Это счастье – умереть за свой народ!»

В завирухе последних лет много раз доводилось слышать, что ведь ничего особенного и не совершила она на войне, девочка. Зоя. Действительно, не полководец же, выигравший крупные битвы.

Только пошла добровольно в бойцы. Только темной и холодной ночью, восемнадцатилетняя, пошла в промерзший лес в тыл врага. Только не сломилась и не предала под пытками, когда тело жгли огнем, вонзали иголки под ногти и босиком выгоняли на снег.

Мученица. Православными святыми становились мученики. За веру. И она тоже была сильна величайшей верой, которую вырвали и продолжают вырывать из сердец нынешних молодых.

По разумению расчетливых «мудрецов» она сделала совсем мало и, конечно, не то.

Но если по правде – сделала она безмерно много! Ибо никаким мудрецам не дано подсчитать, сколь огромную духовную энергию рождает в людях нравственный и патриотический подвиг героя. «За Зою!» – с этими словами шли в бой. И победили.

Сможем ли теперь победить, если будем позволять и дальше посмертно казнить своих героев, казнить свою историю?

Земля и небо русской героини

Невозможно было раньше представить, что настанет время, когда упоминание в газете этого имени потребует какого-то дополнительного разъяснения. Но вот теперь, в 1998-м, я написал про ее 75 лет и подумал: а все ли поймут, о ком речь? Убедился же недавно – абсолютное большинство выпускников московской школы не знают, кто она такая, Зоя Космодемьянская. Ну а слышавшие о ней настолько извращенно все толкуют, что кричать хочется. Сделала свое черное дело антисоветская и антирусская пропаганда последних лет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.